

1 р. 50 коп.

Герои
олимпийских
игр

Почему я избрал парусный спорт?
Потому что в век сложных машин,
космических кораблей
это один из немногих способов
выйти один на один со стихией.

A handwritten signature in black ink that reads "В. Манкин".

**Валентин
МАНКИН**

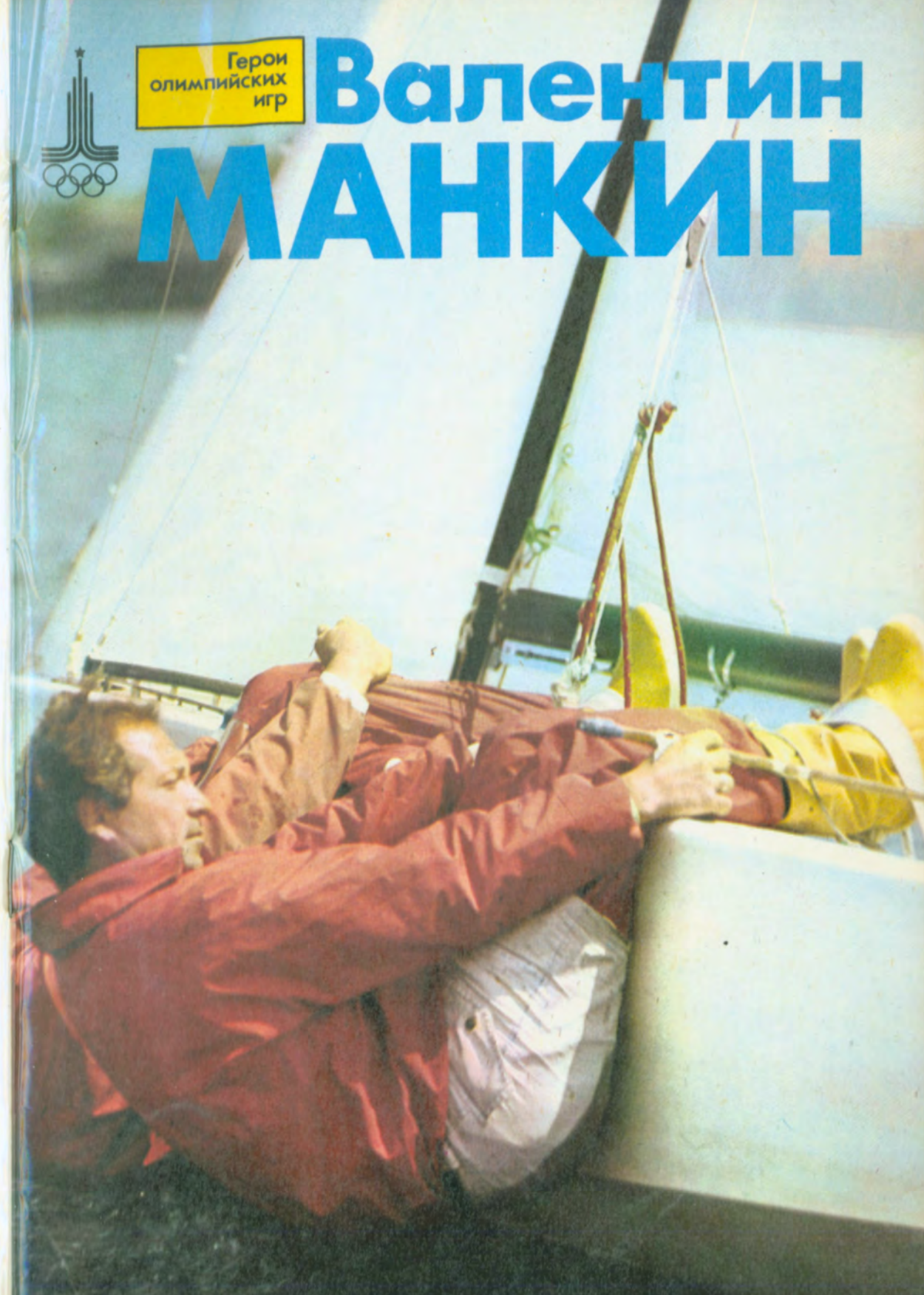

Издательство
«Физкультура и спорт» —
официальный издатель
литературы
Организационного комитета
Игр XXII Олимпиады
в г. Москве

Герои
олимпийских
игр

Валентин МАНКИН

Валентин МАНКИН

Среди тех, кого можно отнести к категории выдающихся яхтсменов, я должен поставить на первое место Валентина Манкина.

В нашем виде спорта, где мы почти постоянно соперничаем друг с другом, трудно сохранить в себе открытое сердце, трудно видеть в каждом единомышленника, друга, трудно на протяжении многих лет безукоснительно следовать неписаному кодексу благородного соперничества. Манкин, на мой взгляд, является одним из тех яхтсменов, которые могут служить образцом для новых поколений, приходящих в спорт.

Пауль Эльвстрём,
четырёхкратный олимпийский
чемпион

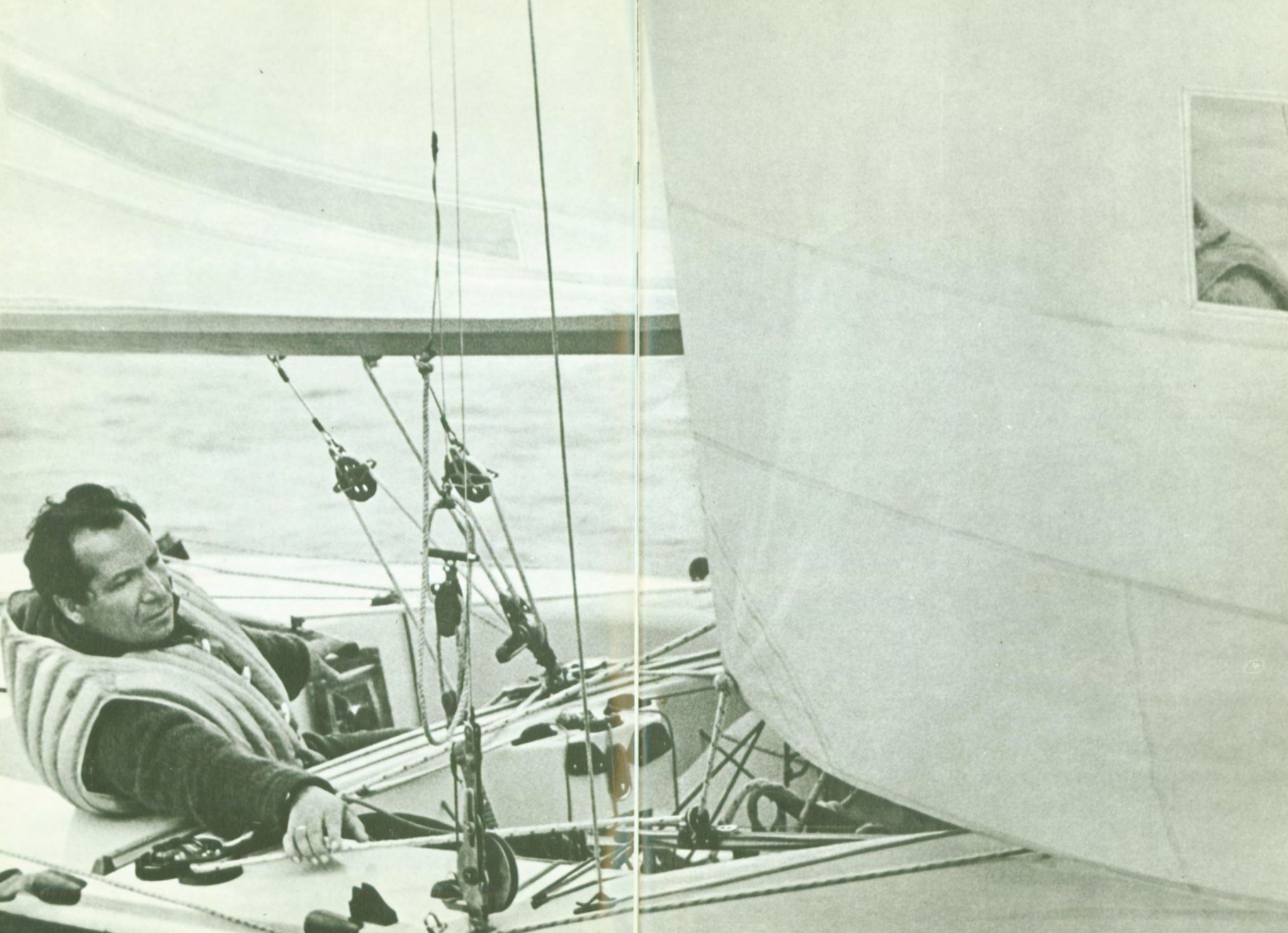
Автор-составитель
В. КУКУШКИН

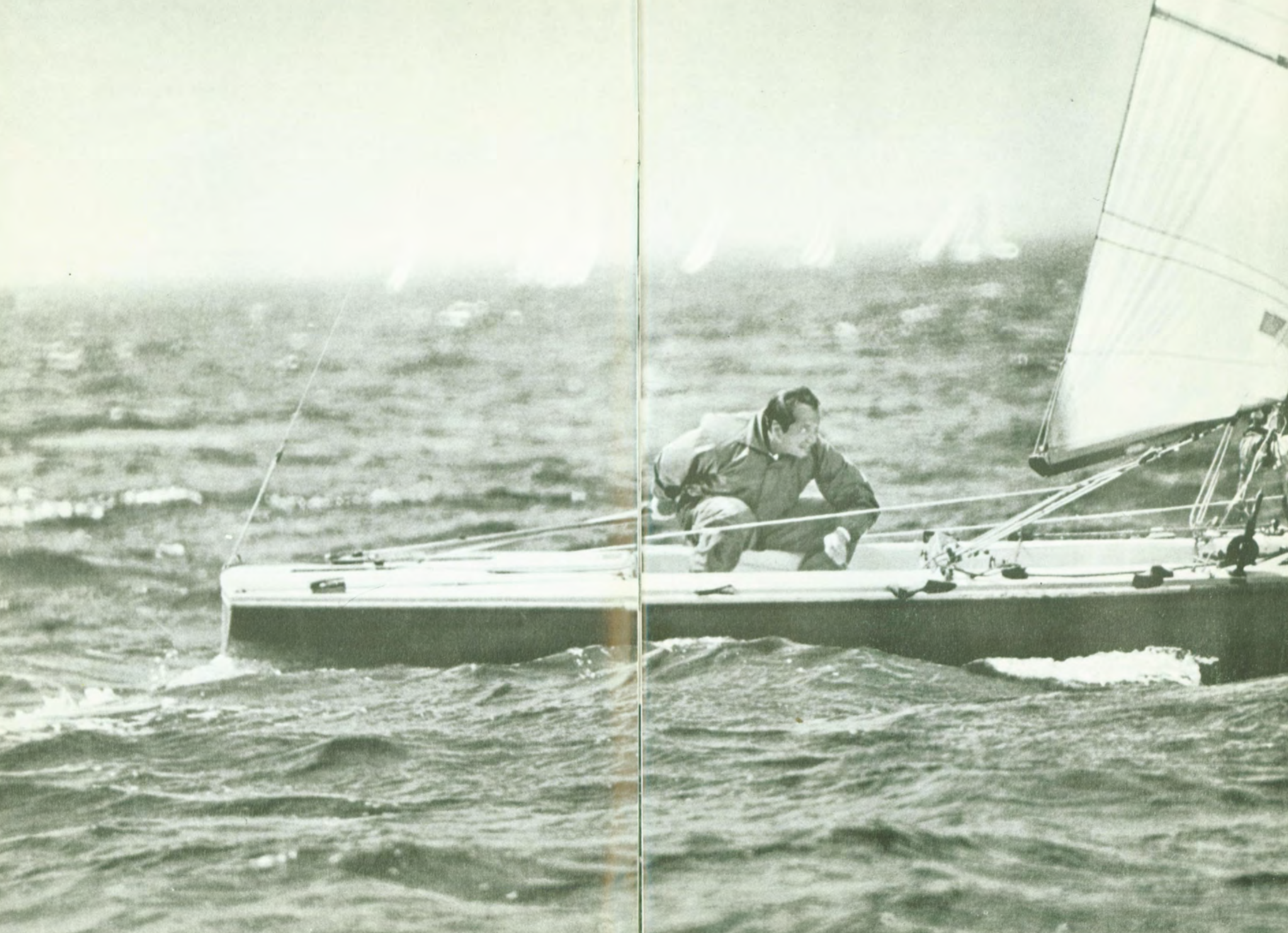
Художник
А. ЛИНДОРФ

Фото:
М. БОТАШЕВ,
Е. ВОЛКОВ,
Ю. ИЛЬЕНКО,
И. КОСТИН,
В. КУКУШКИН,
С. ЛИДОВ,
Н. РАХМАНОВ,
И. ШАЙНСКИЙ,
фотохроника ТАСС

В Сочи во время парусных соревнований скамейки на смотровых площадках возле гостиниц «Ленинград» и «Приморская» не пустуют. Отдыхающие часами смотрят на яхты, скользящие по плавно-неровной поверхности моря, которое сверху даже кажется твердым.

Горничная, принимавшая номер в гостинице «Москва», знала, что у нее на этаже живут яхтсмены, и, может быть желая сделать нам приятное, сказала: «Вчера я выходная была, так мы с мужем три часа просидели на набережной, на яхты смотрели. Они по кругу плыли, прямо как лебеди белые...»

— Ну вот, видишь, оказывается, парусные гонки можно смотреть и получать от них удовольствие, — сказал Валентин Манкин, несший в одной руке сумку с парусами, а в другой швейную машинку. На футляре швейной машинки была нарисована фломастером эмблема яхт класса «Темпест» и обозначен номер его лодки: SR-1.

Это было в конце марта 1977 года после окончания Всесоюзной парусной регаты, на которой Валентин выступал в новом для себя классе яхт — «Звездном» и занял свое «привычное» первое место.

— В третий раз в новый класс, — такими словами он встретил меня на берегу перед началом соревнований.

— Класс новый — планы прежние? — спросил я.

— По-другому и быть не может. Иначе нечего и за дело браться.

Он начинал на «Оптимистах» — маленьких яхточках, через которые проходят, наверное, все новички. Затем были «Финн», «Темпест» и вот теперь «Звездник». На «Финне» Манкин впервые стал олимпийским чемпионом, на «Темпесте» он завоевал сначала олимпийское «золото», а затем «серебро». Его планы в последние годы неизменны — добиваться побед.

«ФИНН»

Конструктор — Сарби (Норвегия).

В программу олимпиад входит с 1952 года.

Длина корпуса — 4 м 50 см, вес — 145 кг,
площадь паруса — 10 кв. м, экипаж — 1 чел.

Откуда могла взяться у мальчишки, родившегося на Украине, в селе Белокивчи, «морская косточка»? Сам Валентин лишь пожал плечами. Неоткуда было взяться этой самой «косточке». В его родословной (а о наследственности говорить нынче очень модно) тоже не значится ни моряков, ни тем более яхтсменов.

Его детство было потруднее, чем у сегодняшних мальчишек. Жили в Киеве в коммунальной квартире, да и в магазинах в послевоенные годы небогато было. Мать Валентина работала в больнице, отец — на стройке. Дома семья собиралась в полном составе только вечером.

Все семейные события, все новости в ту пору обсуждались на кухне коммунальной квартиры. Здесь вырабатывалось

коллективное мнение, здесь же можно было послушать совет соседа по любому вопросу. Мать Валентина умерла рано, когда он был еще школьником.

Отец однажды рассердился, когда увидел, что, пробежав сто метров, Валька, как говорится, задохнулся. После возвращения из пионерского лагеря мальчик был отведен в бассейн, причем он услышал слова, от которых готов был провалиться сквозь землю: «Вот из этой размазни надо сделать мужчину».

Валентин запомнил их на всю жизнь. Может быть, они и «толкнули» его в спорт с такой силой, что он не просто окреп, возмужал, закалил волю, но и стал настоящим спортсменом. Кроме бассейна Валя занимался и в школьной гимнастической секции.

Чем увлекаются мальчишки в детстве? Ответ может уместиться в одном слове: всем. Гимнастикой и акробатикой, футболом и танцами, фотографированием и морским боем, разведением рыбок и кроликов...

Валентин прошел через все эти этапы.

Задержался, правда, в бассейне. Тогда большинство тренеров исповедовало самую простую систему подготовки пловцов — все, кто пришли на тренировку, должны плавать. А вот сколько метров и с какой скоростью? Увы, этого тренер объяснить не мог. «Ты вот что, давай пльви. Ежели стоять будешь, никакого результата не покажешь» — обычный ответ на все вопросы. Какая уж тут наука или методика! Самое удивительное, что неудовлетворенность тренировками в бассейне — никак не давалась дистанция 200 метров брассом — привела Манкина в парус. После тренировки, которая проходила в открытом бассейне «Водника» на Трухановом острове, Валя просто ходил по песку, пытаясь придумать какую-нибудь хитрость, чтобы «потренироваться-потренироваться и проплыть двухсотметровку». Так, топя по берегу и размышляя о премудростях брасса, он оказался у водной станции «Медик», где ребята готовили яхты к плаванию. Это показалось интересным, и Валя спросил того парня, который постарше, нельзя ли записаться к ним в секцию.

Видно, к Николаю Дуднику с таким вопросом обращалось множество мальчишек, и он, зная, что после двух-трех занятий ряды новичков редуют едва ли не наполовину, предпочитал не записывать их сразу в специальный журнал. Он просто предлагал желающему тут же включиться в работу: «Приживешься — зачислен».

Валентину дали гудящую от пламени паяльную лампу — обжигать старую краску с днища «эмки». Время летело незаметно, разговоры шли о парусах, о покраске корпуса, будущих гонках. К вечеру он уже был законченным яхтсменом и по дороге к дому обсуждал со своими новыми знакомыми парусные заботы. Однако это оказалось не таким заурядным увлечением, как школа танцев или разведение кроликов.

Он познавал яхту на ощупь. Говорили: «Принеси шверт» — и он тащил доску, которая опускается в середине днища «Олимпиака». Потом следовало распорядиться залить воду в щель швертколдца, и он тащил ведро воды под хохот всей

секции — щель-то сквозная, в нее хоть море вылей — все будет «мало». Несколько выходов на яхте лишь разожгли пробуждающуюся любовь к парусу.

Однако секция паруса «Медика» просуществовала недолго — тренер Николай Дудник закончил учебу в институте, получил распределение на работу, а Валентин перешел в парусную секцию ДОСААФа к тренеру Сергею Машовцу. Душой секции был тренер, ибо он не мыслил себе в те годы жизни без паруса, без его романтики, его истории и традиций. Он относился к числу «счастливчиков»: за что бы ни брался — все ему удавалось, ученики верили ему и слушали каждое слово своего наставника. Любой педагог позавидовал бы его авторитету.

Кстати, Машовец был тем первым тренером, который вписал в личный план яхтсмена Манкина: «стать чемпионом мира». И это при том, что Валентин был лишь третьим рулевым «Олимпиака» под названием «Риф». То есть самостоятельно выходить на воду ему удавалось только эпизодически, от случая к случаю.

Впервые будущий олимпийский чемпион самостоятельно прошел по Матвеевскому заливу на Днепре, впервые услышал голос ветра и почувствовал себя уже по-настоящему один на один со стихией лишь летом 1954 года. Незаметно парус стал целью жизни, мысли о нем вытеснили все остальное. А жизнь складывалась нелегко. Валентин работал на стройке — бетонщиком, автослесарем, арматурщиком, учился в вечерней школе. Успехи были неплохими — он получил аттестат с серебряной медалью. После школы — строительный институт, вечернее отделение. Он готовился пойти по стопам отца, только решил заниматься тогдашней новинкой на стройках — железобетонными конструкциями.

Времени катастрофически не хватало: работа, учеба в институте, в парусных классах ДОСААФа. А Машовец почти на каждом занятии говорил Валентину, что ему предстоит сразиться через несколько лет с олимпийским чемпионом, знаменитым датчанином Паулем Эльвстрёмом, а потому надо готовиться всерьез.

Может быть, настрой на борьбу только за самые главные призы и титулы был тем точным педагогическим приемом, который требовался при занятиях с Манкиным. Как бы там ни было, но Машовец оказался прав, нацеливая своего ученика на долгую и трудную жизнь в спорте.

Первый успех пришел к Манкину в 1956 году. Валентин выиграл в Запорожье первенство Украины. Победа была убедительной, но не легкой. К новичку, «мальчишке» (а в парусе восемнадцать лет — «мальчишеский» возраст) судьи были особенно придирчивы. Они объявили, что в гонке при повороте Манкин «навалил на знак». Начался разбор, вызвали двух свидетелей — яхтсменов, находившихся поблизости в тот момент. Первый — Виктор Лиходиевский ответил: «Не видел... Не знаю, было что или не было». Такой ответ сочли за согласие с мнением судей. Другому свидетелю была выгодна дисквалификация Манкина — тогда он выходил на первое место и имел все шансы стать чемпионом. К чести одессита Жоры Гершойга, он грохнул кулаком по столу и заявил, что его устраивает только чистая победа, а не

та «липа», которую ему собираются подсунуть. Протест на Манкина был отклонен. Гершойг на том чемпионате получил «серебро».

Так начался первый сезон на «Финне» — сразу успех. Но не только успех, а еще и наука — надо быть готовым к любой ситуации, к любому повороту судьбы.

В тот же год Валентин впервые появился и на первенстве СССР. Он стартовал рядом с асами паруса, учился у них технике и тактике. Кстати, на этом первенстве он сразу зарекомендовал себя как «твердый» парень. Случилось ему лидировать в одной из гонок, и вдруг наперерез пошла другая яхта. Право «дороги» было на стороне Манкина, но тот, второй, шел на таран, как идут боевые самолеты. Манкин не уступал. Кончилось тем, что яхты все-таки столкнулись. «Пиратом» оказался один из лучших гонщиков страны Евгений Горшков, который хотел «проверить» новичка. Увы, тогда это не считалось нарушением спортивной этики. Главный вывод, который сделал для себя Манкин в конце сезона, может показаться неожиданным: «Надо заниматься спортом». Парус предъявляет спортсмену довольно высокие требования — нужно обладать большой силой, крепким здоровьем, отменной реакцией, выносливостью. Сам парусный спорт эти качества не развивает. Откренивая яхту, сил не накачаешь, но без них ее не откренишь.

И Манкин начал со следующей весны заниматься академической греблей. Этот вид спорта доставлял ему удовольствие, он увлекся походами на стройной, легкой одиночке. Любовь к гребле осталась у него на всю жизнь. Манкин начал приглядываться к парусам соперников на различных соревнованиях и понял, что все они еще весьма далеки от совершенства. В идеале парус должен быть гладким, без единой морщинки. А те «тряпки», которые поступали в клубы, скорее напоминали стиральную доску. Конечно, не каждый начинающий гонщик решится распороть даже издавший виды парус и перешить его по собственному усмотрению. Валентин решился.

Поздно вечером парус заполнил все пространство кухни коммунальной квартиры. Сначала Валентин орудовал утюгом, потом распорол парус и стал его перекраивать. Зашла одна из соседок, посмотрела на его мучения, принесла свою швейную машинку и взялась помогать. Так Валентин приобрел первые познания в портновском ремесле. Парус получился прекрасный, хотя и следов строчки на нем было немало. Один из главных соперников — Александр Чумаков, посмотрев на него, признал, что такой совершенной формы трудно добиться.

Впрочем, парусный спорт научил Манкина различным ремеслам. Получил Валентин серийный «Финн» с Таллинской спортивной судовой верфи и... превратился в столяра-краснодеревщика — столько пришлось пилить, строгать, переклеивать, шпаклевать, лакировать. В общем, работы столько, сколько понадобилось бы, чтобы восстановить какой-нибудь антикварный гарнитур. Зато через несколько лет на чемпионате мира его яхта была признана наиболее совершенной и с нее снимали чертежи.

От яхтсмена требуется постоянно что-то изобретать. Можно ли кустарным способом из обычных полотняных парусов

сделать такие, которые не уступали бы синтетическим? Не спешите говорить «нет». Валентин купил сто парафиновых свечей, взял обычный ленинградский парус и проутюжил его с парафином. В результате эта самоделка, хоть и просуществовала всего одну регату, была под стать лучшим импортным парусам. Под таким парусом, оказавшись в приблизительно равных условиях с лидерами, Манкин впервые в жизни стал чемпионом СССР. Так ему и запомнился 1959 год — радость первой победы, первой золотой медали и радость открытий.

Наступил 1960 год — год Римской олимпиады. В новогоднюю ночь Валентин пожелал себе «много тренироваться». Он мечтал попасть на Олимпийские игры. Результаты в сезоне были неплохие — победил на Балтийской регате, на первенстве Украины и на регате «Дружба». На чемпионате СССР, однако, был третьим и на Олимпийские игры не попал. В Риме хорошо выступил главный соперник Манкина — Александр Чучелов. Он занял на «Финне» второе место. Кстати, в то время соперничество этих двух сильных гонщиков благотворно сказывалось на успехах всех наших парусников, выступавших в этом классе. Валентин с Александром на каждую регату привозили какие-нибудь новинки в конструкции. Тот, кто пытался нарушить их двоевластие, вынужден был сам делать открытия и изобретения. Какое изобретение Манкина можно считать самым главным? По единодушному мнению различных специалистов, в том числе и его сегодняшнего тренера Константина Мельгунода, это самостоятельно разработанная новая система тренировок в парусе. Суть новшества в том, что он расчленил гонку на отдельные элементы и отработывал практически каждое движение, каждый маневр. Другие гонщики в шестидесятые годы выходили на воду по настроению, а содержание тренировки выражалось в таких словах: «Давай пройдемся, прикинемся». Отдельные элементы отработывались лишь во время соревнований — слишком дорогое удовольствие. Валентин начал с того, что собрав небольшую группу, отработывал маневры будущих гонок.

— Из своих открытий Манкин никогда не делает секретов. Он готов тренироваться на воде вместе с самым опасным соперником, он покажет все усовершенствования, которые придумал на своей лодке, даст совет, как настроить яхту, и все-таки выиграет на соревнованиях. Почему? Это довольно просто. Утром на линейку сборной Валентин приходит одним из первых, на зарядке делает такой набор упражнений, который не всякий выдержит, на своей лодке опробует новинок в несколько раз больше, чем любой другой. Потому соперникам еще до старта становится ясно, что у столь сильно подготовленного гонщика невозможно выиграть, — рассказывает Виктор Потапов, бронзовый призер Олимпиады-72 в классе «Финн».

Такая работа приносила свои результаты. В 1961 году во время Балтийской регаты в Таллине состоялась гонка, которую сам яхтсмен любит вспоминать. ...Условия гонки считаются нормальными, если ветер доходит до трех-четырех баллов. При пяти портнадзор уже не любит давать «добро» на выход, а при шести яхтсмены просто остаются на берегу. При шквале ветер достигает десяти

баллов, и только крепким, сильным и хладнокровным рулевым удается удержать свою яхту на дистанции. В это время больше всего достается катерам сопровождения — они должны помогать неудачникам.

Тогда во второй гонке сначала дуло на два-три балла, но по небу неслись белые облака, в которых было что-то настораживающее. Еще перед стартовым сигналом чувствовался отход ветра, и Манкин, заметив это, выиграл у соперников, выбрав более выгодное положение на старте. Он первым обогнул знак, пошел ко второму и услышал, как «голос» паруса вдруг стал сухим с легким потрескиванием — так бывает перед сильным порывом. В секунду, а может быть в долю ее, могучий порыв неуправляемой стихии не просто разбросал яхты по дистанции, но вообще разметал их по акватории залива. Легкий «Финн» подбрасывало над волнами, и казалось, вот-вот ветер положит белый треугольник паруса на кипящую пенистую бело-сине-зелено-черную смесь. Валентин оглянулся назад и увидел, что за ним вдогонку несется темная стена. Уж если она догонит — не сдобровать. Догнала-таки и... лопнул гика-шкот, парус улетел к носу, а ветер, уже толкая в спину самого гонщика, гнал яхту вперед мимо неудачников, которые лишь махали руками из воды. Стоит ли мчаться мимо них, чтобы потом опрокинуться и в одиночестве ждать, пока подойдет катер и тренер поможет подняться из воды, если повреждение яхты окажется серьезным? У некоторых «купальщиков» сломались мачты, гики пополам, паруса порвались. Судьи, увидев последствия шквала, поспешили поднять знак сокращения дистанции. Кто удержится на плаву — продолжает гонку, остальных скорее поднимать и тащить в гавань, на сушу, подальше от беды. Из сорока девяти «Финнов» только четыре сумели закончить тогда гонку. Первым из них был В. Манкин. До позднего вечера катера собирали неудачников.

На берегу опытный судья Хейно Кыйевега крутил головой и говорил с мягким акцентом: «Сильный пыл шквал... Та... Тесять баллов пыло... Сильно...»

С тех пор Валентин Манкин получил титул «ветродуя» — так яхтсмены называют гонщиков, которые лучше ходят в сильный ветер, а кроме того, полюбил гонки, когда бороться приходится сразу с двумя стихиями — морской и воздушной. — Яхтсмен должен знать вкус моря, должен почувствовать, как бьют волны, должен мечтать о такой гонке, когда яхта оторвется от воды и полетит, — любит говорить Валентин, показывая небольшую картину эстонского художника Энсулу «Сильный ветер» — специальный приз за победу в шквал. Первое «боевое крещение» на международных соревнованиях за рубежом Валентин получил в 1963 году на Варнемюндской регате в ГДР. Регата оказалась для него непростой. Сначала Валентин не мог даже разобраться, кто его основные соперники, плохо ориентировался в течениях, в ветрах. И все-таки занял пятое место, пропустив перед собой таких гонщиков, как Миир, Демель, ставших впоследствии чемпионами мира и Европы.

В первые годы выступлений Манкина за рубежом внимание журналистов часто привлекало название его лодки — «Эскимо». На чемпионате мира в Голландии в 1963 году по

Когда начинают тренироваться яхтсмены? Когда есть акватория, свободная ото льда

На берегу Киевского моря

этому поводу строились различные догадки, кто-то предположил даже, что из России на чемпионат мира приехал... эскимос. Ничего загадочного в этом названии нет. Просто эскимо — любимое лакомство Валентина с детских лет, когда о нем приходилось только мечтать. Любовь к мороженому осталась у Манкина и по сей день, и все яхты, независимо от класса, он называет так же.

...В разные годы в нашем парусном спорте действовали различные системы отбора в олимпийскую сборную. В 1964 году перед Токийской олимпиадой «финнисты» знали, что каждый старт засчитывается как контрольный. Кто выиграет — едет на Олимпиаду основным, а второй — может быть, запасным. В этом классе было два равных по силам гонщика, которые изматывали друг друга постоянными прикидками, постоянным стремлением выиграть каждый старт, будь то первенство «двора» или чемпионат страны. К Олимпиаде оба оказались не просто переутомленными, но с издерганными нервами. Основным на Игры поехал А. Чучелов. Он занял двенадцатое место и заявил, что главная причина его неудачи — в неправильной системе отбора.

После этой Олимпиады Чучелов на некоторое время вообще оставил парусный спорт. Манкин почувствовал себя «свободным» во всех стартах. Ему удалось в течение сезона распределить силы так, что к чемпионату Европы в Кашкайше (Португалия) он достиг пика спортивной формы и занял второе место, выиграв у олимпийского чемпиона 1964 года Вилли Кувайде.

Когда начинаешь сопоставлять некоторые биографические данные В. Манкина с его успехами в спорте, трудно понять, как он все успевал. Например, в 1962 году Валентин Манкин получил диплом инженера-строителя. В том же 1962 году он выиграл все регаты, в которых участвовал. И при этом с полной загрузкой работал в архитектурной группе института «Теплоэнергопроект». Как это ему удавалось?

«Мне везло в жизни на хороших людей, — признавался Манкин. — Конечно, встречались разные — и те, кто за спиной говорили обо мне разную чушь, пытались устроить какую-нибудь каверзу. Но зато уж если друзья — так верные. Такие были в архитектурной группе Константина Кузьминского в «Теплоэнергопроекте». Мне поручали небольшие задания, в основном я работал над отдельными узлами. Приходилось часто уезжать на соревнования, и большие темы я просто не успевал бы сделать. И с тренировками у меня проблем не было. Правда, приходилось сидеть за кульманом до поздней ночи. Но я не мог иначе». А когда Валентин возвращался с очередного соревнования, его неизменно просили выступить, обстоятельно рассказать о гонках.

Не однажды в повестке дня комсомольского собрания значилось: «Отчет комсомольца Валентина Манкина о выступлениях на парусной регате». Эти отчеты стали привычными для Валентина. И по сей день, хотя в 1967 году Манкин был призван на действительную службу, он не теряет связи с «Теплоэнергопроект». Офицер флота часто бывает у проектировщиков, рассказывает о том, что видел, чему научился.

Легкий бег — с него начинается утро у В. Манкина, А. Музыченко и В. Зубанова

Большинство упражнений он придумал сам

Утренняя зарядка по системе Манкина (рядом с Валентином — бронзовый призер Олимпиады-72 Виктор Потапов)

Утренний туалет яхты

Предолимпийский, 1967 год оказался тяжелым. Причем не только по своей спортивной нагрузке, но и психологически: не было ясно, попадет ли Манкин в кандидаты на Олимпийские игры. Поговаривали, что он хорошо ходит в основном в сильный ветер, в слабый чаще проигрывает, а в Акапулько могут быть слабые ветры. Пришлось доказывать, что он может ходить с одинаковым успехом в любую погоду. Сначала выиграл Балтийскую регату. Затем на Спартакиаде народов СССР удивил всех третьими местами в гонках при сильном ветре и победами в тихий.

Сразу со Спартакиады Манкин отправился в Финляндию, в Ханко, на «Золотой Кубок». Только претендентов на победу — десятка два, а участников — более ста. У одних — большие заслуги в прошлом, опыт, у других — жажда утвердиться. Начало было неудачным: в первой гонке финишировал сорок вторым. В следующей — первым, затем — вторым. Он боролся теперь за первенство с Вилли Кувайде из ФРГ. Потом — через десять лет — Манкин признался, что интереснее всего было «спорить» в решении тактических задач именно с этим соперником. Вот что рассказывал о тех соревнованиях Игорь Николаевич Климчинский, бывший тогда руководителем советской команды.

— Перед последним стартом, когда было ясно, что Валентин может выиграть, один из гонщиков, не помню, швед или поляк, сказал мне: «Берегите Манкина. Кто-нибудь из немцев, если Манкин обойдет Кувайде, пойдет на таран». Я признаться, даже чуть испугался и говорю ребятам: прикрывайте Валю, чтоб никто к нему близко не подошел. Перед стартом вижу: все-таки один парус с номером из ФРГ крутится возле Манкина. Но, к счастью, был общий фальстарт. В конце концов, после выброса худшей гонки первое место выиграл Кувайде. Манкин остался вторым.

Но и второе место — тоже успех. Причем немалый, если учесть неудачи наших парусников в те годы. Сам Валентин позже говорил, что половина успеха — заслуга Климчинского, который сумел организовать команду, настроить ее. Больше того, опытный наставник заботился о своих подопечных как отец родной — каждый вечер он массировал Валентину ноги, чтобы снять усталость после гонки, успокоить его, наладить сон. Кстати, в следующем году на Олимпийские игры Климчинский вновь поехал руководителем, а Манкин наконец стал олимпийским чемпионом.

Перед Олимпиадой-68 Валентин выступил еще на одних своеобразных международных соревнованиях — во Франции, в Лаболе. Это была специальная регата, где «Финн» ходил рядом с новыми конструкциями, доказывая свое право на существование в олимпийской программе. Конструкторы и владельцы судостроительных фирм пригласили для выступлений на своих лодках известных гонщиков. Вилли Кувайде выступал на новой конструкции Раудашля. А честь класса «Финн» защищал Манкин.

После «смотрa» в Лаболе почетный секретарь Международной ассоциации этого класса швейцарец доктор Фрез Ауэр написал в адрес Федерации парусного спорта СССР:

Манкин с тренером К. Мельгуновым

«Днища чисты», — докладывает В. Акименко

И в парной речь идет, конечно, о парусе

Утреннее построение сборной СССР. На правом фланге В. Манкин

«Валентин Манкин является не только одним из лучших рулевых в классе «Финн», но и очень благородным спортсменом. Советская федерация, равно как и международная, может гордиться тем, что именно он представлял класс «Финн» на конкурсных соревнованиях в Лабале».

«Финн» остался в олимпийской программе, а Валентин сумел закрепить свой успех. 1968 год стал годом его олимпийского триумфа. Он был так счастлив, что, наверное, ни один другой олимпийский чемпион не мог сравниться с ним по яркости улыбки во время церемониала награждения победителей. Много было разговоров об удачной подготовке Манкина. Он

«Финн»

Первое олимпийское «золото» Валентин Манкин завоевал на Играх XIX Олимпиады, где он выступал в классе «Финн»

«Темпест»

Класс «Темпест» тоже принес гонщику олимпийские медали: в 1972 г. в Киле (ФРГ) Манкин стал чемпионом, а в 1976 г. в Кингстоне (Канада) серебряным призером

«Звездник»

Валентин Манкин сейчас выступает на яхте класса «Звездный». Какие победы ждут прославленного яхтсмена на «Звезднике»?

еще дома согнал лишний вес, как будто чувствовал, что ветры в Акапулько будут слабые.

Когда спортсмен начинает думать о победе на олимпийских играх? Иные, по их собственным словам... на следующий день после победы. Валентином завладела мечта об олимпийской победе, когда ему было 16 лет.

В то время у нас на экранах появился английский фильм «Джорджи» — не бог весть какая богатая по содержанию картина. Речь в ней шла о парне из Шотландии, который сначала соревновался в метании бревна, кидании топора, а потом стал легкоатлетом и выиграл на Олимпийских играх в Мельбурне золотую медаль в метании молота. Фильм был

сделан весело, снят на цветную пленку — тогда в наших кинотеатрах это было редкостью — и смотрелся легко, с удовольствием.

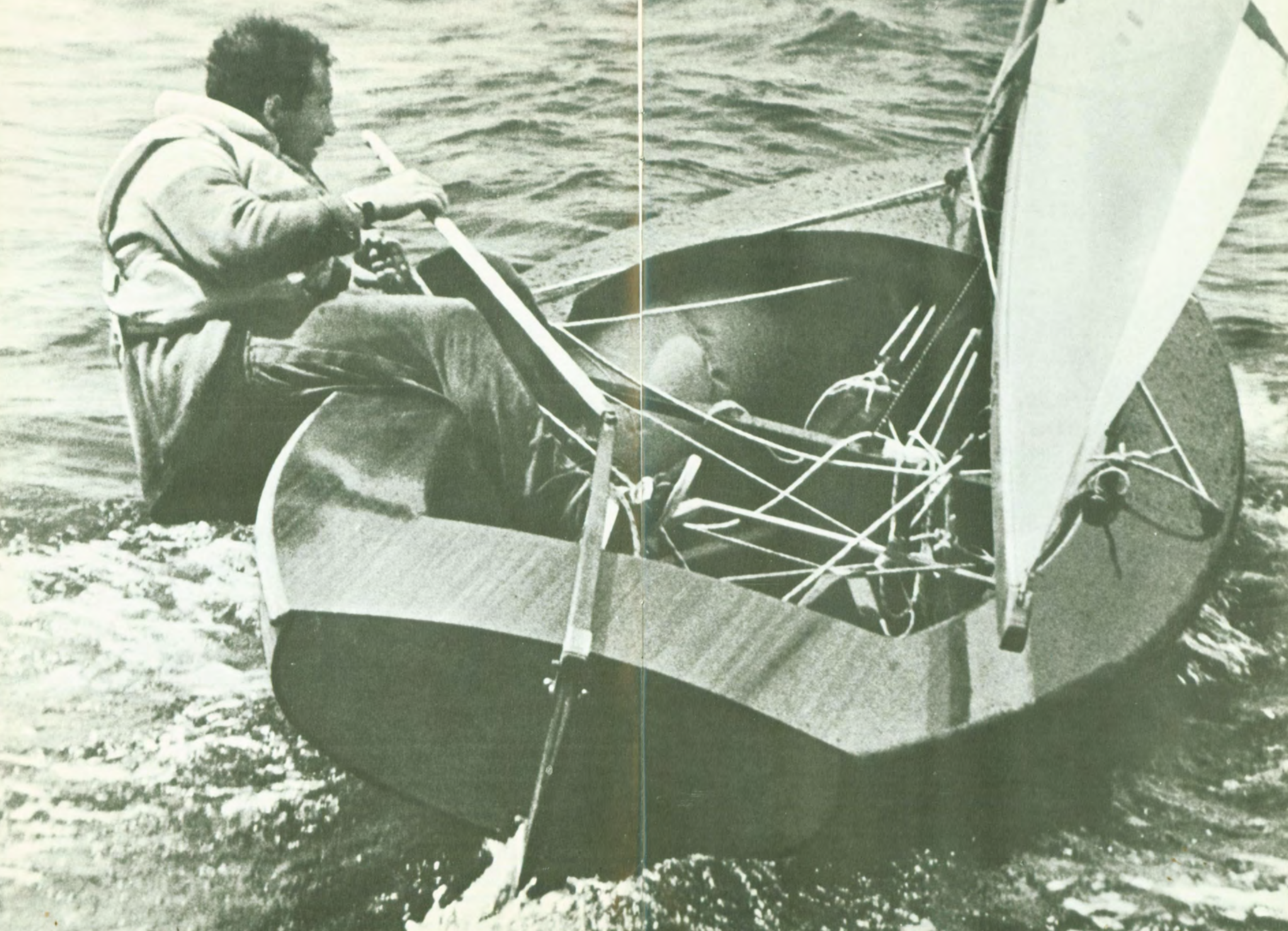
Валя Манкин ходил на эту картину не один раз. И всех знакомых уверял, что тоже будет олимпийским чемпионом. Ему, конечно, не верили. Шотландец в фильме выглядел поимпозантнее. Куда до него было студенту-вечернику! В то, что Валентин не только станет олимпийским чемпионом, но и вообще может горы свернуть, поверила только Рита. В 1961 году она стала его женой и... страстной болельщицей. Рита всегда готова шить паруса, клеить и строгать, если доверит Валентин.

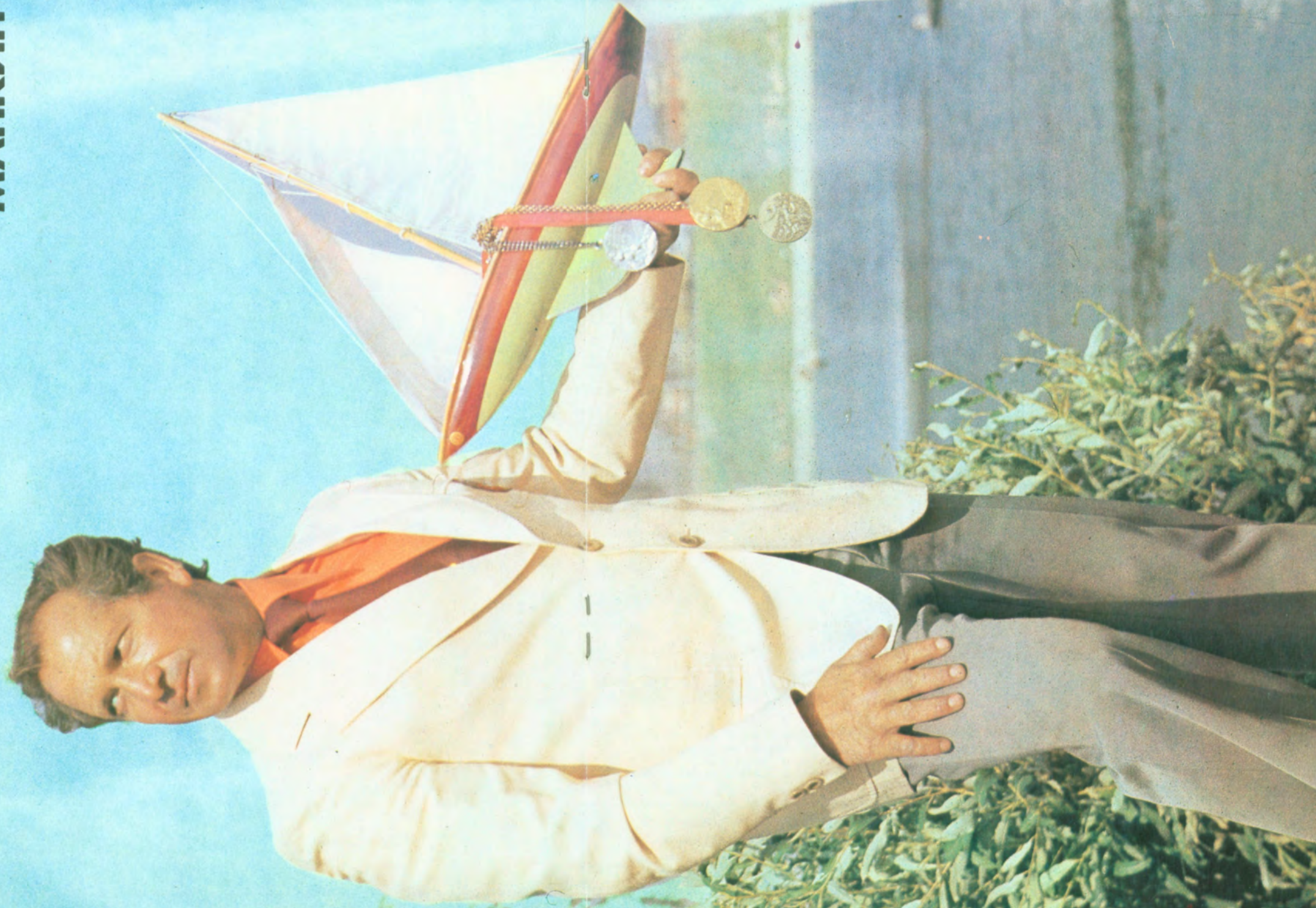
«Темпест»

Конструктор — Проктор (Голландия). В олимпиадах «Темпест» участвовал в 1972 и 1976 годах. Длина корпуса — 6 м 68 см, вес — 460 кг, площадь паруса — 23 кв. м, экипаж — 2 чел.

Следующий за олимпийским, 1969 год оказался для Манкина неудачным. Весной соревнования «финнистов» во Франции — пятое место и ощущение того, что каждый

**Валентин
МАНКИН**

норовит не столько выиграть гонку, сколько пройти перед олимпийским чемпионом. В результате — неудовлетворенность не только самим собой, но и соперниками, которым теперь «моря мало».

Потом небольшое утешение — Спорткомитет приобрел для сборной СССР по парусному спорту «рафик» — теперь можно отправляться на соревнования своим ходом. Какое это имеет значение? Раньше яхты приходилось отправлять морем с каким-нибудь грузовым теплоходом, гонщики добирались на самолетах, потом уговаривали кого-нибудь из яхт-клуба — организатора чемпионата взять тележку, машину и сгонять в порт, чтобы перевезти оттуда яхту. Нередко, сняв

чехол, спортсмены приходили в ужас — борт пробит, при транспортировке яхта лежала на боку, словом, остается только выкрасить и выбросить. Зато после приобретения «рафика» положение изменилось: можно перебираться вместе с яхтой куда угодно. В машине оборудована небольшая мастерская, появилась возможность даже отдохнуть в «полевых условиях».

На «рафике» Валентин приехал в Варнемюнде на традиционную регату. И выиграл ее. До него из советских «финнистов» здесь удалось победить лишь Александру Чучелову в 1969 году.

После Варнемюндской регаты на той же акватории началось

В Акапулько во время Олимпиады-68 вновь встретились П. Эльвстрём и В. Манкин

первенство Европы. Тут во время официальных состязаний Манкин получил травму — тросом разрезал руку, началось воспаление. В общем, всю регату гонялся, работая одной рукой. Неудача была неизбежной.

Шло время, и, в конце концов, наступил момент, когда пришлось решать вопрос, оставаться ли на «Финне», уже знакомом, на котором чувствовал себя уверенно, или переходить на другую лодку, где все будет вновь. С одной стороны, «Финн» был той яхтой, на которой удалось добиться побед, а потому, может быть, стоило закреплять успех — все-таки золотые или серебряные награды на дороге не валяются. Но, с другой стороны, Валентин уже «прошел» этап

маленькой лодки. Для него этот класс стал как бы морально устаревшим, так же, как, скажем, «Победа» по сравнению с новыми «Жигулями». Вроде бы обе машины бегают, «Победа», может быть, даже попрочнее, повыносливее, а все-таки морально она уже устарела.

Было известно, что в программу Олимпиады-72 входят новые классы — «Темпест» и «Солинг». Вот и выбирай, на какой яхте идти. Тимир Пинегин, который вместе с Федором Шутковым на «Звезднике» стал нашим первым олимпийским чемпионом в 1960 году, решил перебраться на большой «Солинг». В то время у Манкина и Пинегина был как бы уговор — дорогу друг другу не пересекать. Манкин решил

Олимпийское сомбреро — память о Мехико

начать освоение «Темпеста». Все-таки яхта находится где-то посредине между столь хорошо знакомыми шведскими и крупными килевыми яхтами.

Даже когда решение было принято и все поставлено о нем в известность, нет-нет да и возникали сомнения: а может быть, пока не поздно, вернуться на «Финн»? Но пути назад не было — характер, выработанный за столько лет борьбы с различными невзгодами, не позволял спастись. К тому же пришли сообщения из других стран: старые соперники по чемпионатам мира, по олимпийским играм — Раудашль, Кувайде, Эльвстрём — сменили классы, пошли на более крупные яхты.

Пока в стране не было ни одного «Темпеста», Валентин начал искать себе матроса. Увы, он не был знаком с теориями современных психологов, а сборная парусников, в том числе и тренеры, не имела ясного представления о проблеме совместимости. Манкин взял себе матросом Володю Витюкова, основываясь на том, что земляк был очень активен во время совместных тренировок на «Финнах». Да и рулевым он был неплохим.

Освоение «Темпеста» проходило нелегко: какие-то детали оказывались «лишними», снасти болтались незакрепленными — экипаж просто не знал, куда их крепить. Словом, яхта вызывала смех у других гонщиков. Но постепенно «Темпест» набирал скорость, экипаж начинал действовать поувереннее. Были и «доброжелатели», которые говорили: «До Олимпиады новый класс освоить не удастся, сборная лишилась сильного «финниста» и ничего не приобрела взамен». Тренировал экипаж 14-кратный чемпион страны Константин Александров. На «Темпесте» пришлось работать очень напряженно.

Осенью Витюков пришел к Манкину и сказал, что боится за себя: вдруг подведет в решающий момент — уж слишком тяжело дался первый сезон. Валентин, как он потом говорил, остался с опытом освоения «Темпеста», с лодкой и... без матроса. За зиму предстояло найти себе нового шкотового, обучить его, составить таблицы ветров и течений в Киле, изучить акваторию будущей Олимпиады. Шкаф в его квартире пополнился еще несколькими папками с вырезками и записями. Папки эти, конечно, контрастируют с красивыми корешками книг, но тем не менее занимают самое почетное место. Три полки с папками — досье чемпиона на каждую регату, на каждую дистанцию.

Манкин вспоминал, какие шкотовые ходили у основных соперников, и приходил к выводу, что ему требуется парень под два метра ростом, весом килограммов в девяносто пять. Но таких не находилось. Кончилось дело тем, что он взял себе в матросы веселого и даже разбитного парня Женю Калину, который был когда-то чемпионом страны на яхтах нашего национального класса — «эмках».

Как подбираются экипажи? Трудный это вопрос. Наверное, только специалист-психолог может рекомендовать что-то более или менее определенное, используя свои наблюдения. С Женей Калиной Манкин проходил на «Темпесте» только один сезон. Они оба были рулевыми, а теперь оказалось, что один из них должен выполнять распоряжения другого.

Манкин был лучшим рулевым, чем Калина, но тот при каждом маневре пускался в спор. Сначала Валентину это нравилось,

причем не только тем, что в споре должна была родиться истина, но и тем, что он, доказывая, убеждая, передавал матросу свой опыт и знания. Потом «строптивость» шкотового стала раздражать — в гонке надо работать, а не митинговать. Но... экипаж сходил на берег, и Калина был вновь великолепен — он придумывал всяческие развлечения, был душой любой компании, любого общества и при этом «железно» соблюдал режим.

Валентин, осваивая «Темпест», постоянно что-то придумывал, изобретал, записывал в дневнике свои мысли, зарисовывал новинки, которые удавалось заметить у других гонщиков. Увы, тут Калина был слабым помощником. Он начинал жаловаться, что Манкин хочет превратить его в робота, сковывает его инициативу. На всесоюзных соревнованиях они все-таки были первыми, но на чемпионате мира оказались лишь пятнадцатыми, что нанесло страшный удар по самолюбию Валентина.

В этот преолимпийский год Манкин окончательно выработал для себя систему подготовки и самонастройки перед тренировками и выступлениями на соревнованиях. Он пристрастился довольно рано ложиться спать — часов в девять-десять и рано вставать — в пять-шесть утра. Каждое утро обязательная, независимо от погоды, зарядка с выполнением некоторых «парусных» упражнений. Он давно любил музыку, а теперь понял, что она помогает ему настраиваться, готовиться к старту. До этого Валентин слушал музыку лишь отдыхая, теперь он «перевел» музыкальные часы на утро. Час, а иногда и два он просто слушает музыку. Он любит в основном то, что принято называть легкой музыкой. В песнях отдает предпочтение Пахмутовой, Тухманову, любит исполнение Шульженко, Толкуновой, Ротару.

Я поинтересовался, почему у него мало записей зарубежных исполнителей.

— Понимаешь, нужда заставила меня выучить английский язык в таких пределах, чтобы объясняться на соревнованиях с соперниками или судьями. Я могу свободно читать специальную английскую литературу. А вот понять, что поет, например, Том Джонс или тем более какая-нибудь группа, для меня слишком трудно. А я не люблю слушать не понимая. В тот же преолимпийский год у Манкина появился еще один способ самонастройки — чтение. На каждое соревнование он берет с собой книгу, начинает читать ее вечером после первой гонки и прочитывает в семь присестов — по числу гонок.

Как-то он признался, что у него появилась, кажется, неосуществимая, по крайней мере в ближайшем будущем, мечта.

— Эх, построить бы домик в одну комнату на берегу Киевского моря, поставить рядом яхту, привезти туда пластинки с проигрывателем, всю специальную литературу, инструмент и... никого туда не пускать. Беспорядок будет «моим» беспорядком, я смогу, может быть, написать свой учебник парусного спорта, смогу что-нибудь смастерить и отдохну от всей ежедневной суеты, как нигде.

Закончился этот сезон так же, как предыдущий, — Манкин расстался со своим шкотовым. Калина отправился в Минск,

чтобы в Белоруссии работать тренером по парусу. На носу Олимпийские игры, а наш лучший рулевой в классе «Темпест» вновь без шкотового. На помощь ему пришел бывший соперник сильный «финнист» Виталий Дырдыра. У обоих было большое желание попасть на Олимпийскую регату в Киль, и им казалось, что это поможет преодолеть все препятствия. Сначала все было неплохо, главное, работа ладилась. Но потом начались трудности «притирки» характеров. Манкин вскакивал рано, настаивал на обязательной зарядке, тренировке по расписанию. Виталий предпочитал поспать. Сначала взаимные ошибки не бросались им в глаза, потом отношения натянулись. Они уже предпочитали на берегу не встречаться друг с другом, затем решили расстаться. Тренеру сборной Леонарду Яковлевичу Митницкому пришлось провести с экипажем «Темпеста» собеседование, как говорят, при закрытых дверях. Разговор длился несколько часов. Экипаж был сохранен. Олимпийская регата в Киле прошла весьма напряженно, на сей раз победа досталась в очень острой борьбе. Выиграть хотел каждый, и в один из моментов не выдержали нервы у англичанина Уоррена, который подал протест на якобы неправильные действия советского экипажа. Валентин сам давал объяснения жюри — пригодилось знание английского — и доказал, что протест безосновательный. Уоррен в итоге лишился нескольких фунтов — в парусном спорте положено при подаче протеста вносить определенную сумму задатка (если протест будет принят, то деньги возвращают протестующему, если отклонен, — деньги остаются в кассе организаторов регаты). Но Уоррен проиграл не только фунты, он проиграл морально и мог уповать только на благоприятное стечение обстоятельств. Манкин во второй раз стал олимпийским чемпионом.

После Олимпиады-72 мне довелось разговаривать с Валентином в Москве. Стояла глубокая осень, ничего не было ясно — останется ли он в классе «Темпест» или снова сменит лодку, с кем будет ходить под парусами. Мы разговаривали о том, что составляет понятие «мастерство яхтсмена», которое позволяет ему при прочих равных условиях выигрывать у соперников, о метеорологии, о необходимости составления специальных карт течений и глубин с точностью чуть ли не до полуметра и многом другом. Но вот одна фраза, которую обронил Валентин, прозвучала настолько неожиданно, что я долгое время ходил под впечатлением от нее.

— Во время гонки каждый ветер, который гуляет по акватории, имеет для меня свою окраску, — сказал Валентин. Согласитесь, что это необычно — никому из нас не приходилось видеть цветной ветер.

Я попросил Манкина расшифровать эти слова.

— Можно сделать такую вещь, — предложил он, — во время тренировки у меня будет на борту маленький передатчик и я буду говорить, в каком потоке нахожусь и куда какой ветер заходит, а ты будешь рисовать карту ветров.

Через несколько лет я встретился с прославленным датским яхтсменом Паулем Эльвстрёмом. В разговоре упомянул о «видении» ветра, о котором мне говорил Манкин.

— Это свидетельство высшего класса гонщика, — сказал Эльвстрём. — Удивительно только, что Манкин в этом

признался. Кое-кто из гонщиков не говорит об этом вслух, потому что боится прослыть сумасшедшим. Я сам как-то интересовался, отчего появляется окраска ветра. Это бывает, когда яхта идет на хорошей скорости, а сам гонщик не сидит в ней, а работает на борту. Тогда перед ним почти все время стоит очень тонкий слой водяной пыли. На земле мы видим обычно радугу. На воде гонщику некогда любоваться радугой — он следит за воздушными потоками. Вот, вглядываясь в воздушный поток сквозь эту пелену, яхтсмен и видит ветер окрашенным в какой-либо из цветов радуги. Происходит как бы выделение одного цвета из богатого спектра, потому что каждый ветер имеет свою, отличающуюся хотя бы на десятую долю градуса, температуру, свою влажность.

Конечно, это объяснение не строго научное, это попытка понять сложное физическое явление. Я думаю, что если физики возьмутся за исследования цвета ветра всерьез, то они смогут предложить, в конце концов, специальные очки, выполненные из какого-нибудь особого материала, через которые даже начинающий гонщик сможет видеть разноцветные ветры.

После Олимпиады-72, когда Валентин уже достиг вершины в парусе, перед ним снова встал вопрос: с кем вместе ходить на «Темпесте»? Он знал, что с таким характером, как у него, ужиться нелегко. А характер проявлялся у Валентина во всем: в жесткой системе тренировок, в требовательности и к себе, и к своему шкотовому, да просто в житейских мелочах. Старший тренер сборной СССР Юрий Пильчин как-то рассказывал:

— Однажды я жил вместе с Валентином в одной комнате. Он, даже играя в шахматы, обсуждал со мной тактические задачи парусной гонки. В первый день это было интересно, во второй — терпимо, потом — тяжело, в конце концов, я от него сбежал. Никто из яхтсменов не соглашается жить вместе с Валентином не из-за его причуд, а из-за феноменальной способности на сборах или соревнованиях думать только о парусе. И собеседник ему нужен не для того, чтобы передать свои идеи, а чтобы просто выговориться.

Изменить себя Манкин не мог. Поэтому искал напарника мягкого, податливого, который бы во всем повиновался «лидеру». С Виталием Дырдырой они попрощались практически на пьедестале почета. Пожали друг другу руки — дело все-таки сделано и сделано как надо.

Манкин пришел к выводу, что ему нужен матрос высокий, физически сильный, определенного веса. Опыт шкотового не имел существенного значения. Валентин рассчитывал, что за четыре года они смогут вместе подойти к пику спортивной формы, достичь необходимого уровня мастерства, чтобы бороться за высшие награды. Выбор пал на Владислава Акименко — перворазрядника по парусному спорту, студента института физкультуры и... совсем «сырого» гонщика. Акименко повезло — он за три года прошел ту школу, на постижение которой ему понадобилось бы в другом случае, может быть, лет десять. Прежде всего Манкин потребовал от него беззаветной любви к парусу, выполнения такого объема работы, какой и не снился Владиславу год назад. Зато едва они вышли на воду, как стали выигрывать одни состязания за

Регата закончена, и яхты отправляются в плавание... в трюме баржи

другими. Победы были приятны, но давались дорогой ценой. Бывали такие дни, когда после тренировок Владислав еле долетался до койки и падал на нее, засыпая еще до того, как щека касалась подушки. Они, пользуясь авторитетом Манкина, выходили в море в самые свежие ветры — другие отсиживались на берегу, ссылаясь на запреты портнадзора. «Надо быть готовым ко всему», — приговаривал рулевой, словно не замечая, как тяжело его молодому напарнику. Волны — холодные, тяжелые — крепко и больно хлестали парня, висевшего над ними на тонком тросе. Что думал Акименко, если он вообще мог о чем-то думать в такие мгновения? Может быть, жаловался одному ему известному богу на тяжелую судьбу, а может быть, проклинал напарника и тот день и час, когда решил выйти с этим «сумасшедшим» чемпионом в море.

Но из перворазрядников Владислав шагнул в мастера спорта, затем, уже следуя рядом со своим рулевым, Акименко вошел в число кандидатов в олимпийскую сборную СССР, стал мастером спорта международного класса, серебряным призером олимпийских игр.

Незадолго до отъезда в Кингстон команда собралась под Москвой, на Клязьминском водохранилище.

...Тихий день, отдыхающие пансионата собирают грибы в березняке, кто-то режется в настольный теннис, лениво гоняют шары в бильярдной двое мужчин весьма солидной комплекции.

— Хождение вокруг бильярда, — рассуждал один, — вполне равняется прогулке по лесу.

Второй молчаливо закладывал шары в угловую лузу — в другие они не шли.

Занудно гудела муха, пытавшаяся вырваться на улицу. Легкий ветерок вырывался на водохранилище то с одного берега, то с другого, то вдруг налетал из-под моста, словно норовил застать яхтсмена врасплох и положить белый треугольник паруса на воду.

Возле буя, который, по всей вероятности, должен был означать поворотный знак, крутился «Финн». Андрей Балашов тренировал маневры. Было известно, что на Олимпиаде на «Финне» будет выступать именно он. Вдруг вдалеке показалась еще одна такая же яхта. Кто бы это мог быть?

Яхты пошли в маленький заливчик, где лодочная пристань была переоборудована под стоянку для яхт. Сначала подошел «голландец» Володи Леонтьева и Валеры Зубанова. Потом подвалил катер с тренером Максом Сахновским. Они были довольны тренировкой — на Черном море подготовились к сильным ветрам, теперь отработывали слабые.

Подошел «Финн» Андрея Балашова, молчаливого, чуть насупленного. На вопрос, как прошла тренировка, он только буркнул в ответ: «Нормально». Впрочем, если он говорит это самое «нормально», значит, все хорошо. Оставалось только гадать, кто придет на втором «Финне».

На «Финне» шел... Манкин. Он использовал для себя новый вид тренировки, настройки — выход на воду не на своем «Темпесте», а на легком «Финне», привычном, очень чувствительном к малейшему изменению ветра. Кроме того, Валентин решил сократить число совместных тренировок с

Владиком Акименко, чтобы просто не надоест друг другу до главного старта — в Кингстоне.

Перед Олимпиадой я брал у Манкина интервью, часть которого осталась у меня в блокноте. Валентин был откровенен:

— Тяжело будет на этих Играх. Сейчас «Темпест» освоили примерно шесть-семь гонщиков высокого класса, и каждый намерен выиграть. Только на первое место три реальных претендента — швед Альбрехтссон, итальянец Милоне и я. В чемпионы мечтают попасть англичанин Уоррен и Марес из ФРГ. У каждого из них хорошая лодка, у каждого новейшие паруса. Выиграть у них за счет лучшего вооружения или ходовых качеств не удастся, может быть, даже кто-то за счет этого у меня выиграет. Мне нужно рассчитывать только на безошибочные решения всех тактических задач, на наши с Владиком силы.

Им удалось занять второе место. Победил швед Альбрехтссон. Можно, конечно, сожалеть о том, что не удалось выиграть первенство. Но... такова природа спорта — при прочих равных условиях нужно еще иметь и «кусочек» удачи. Валентин очень переживал эту относительную неудачу — все-таки мечтал повторить результат Эльвстрёма, выиграть три олимпиады подряд. Думаю, что на следующее утро после окончания последней гонки в Кингстоне Манкин уже начал

составлять свои планы на следующий олимпийский цикл. Решение о переходе на «Звездник» было принято в тот же день, когда поступила информация об исключении «Темпеста» из программы олимпиад и замене его новым «старым» классом.

«Звездный»

Конструктор — Гарднер (США).

В программу олимпиад входил с 1932 по 1972 год.

Вновь включен с 1980 года. Длина корпуса — 6 м 92 см, вес — 408 кг,

площадь паруса — 26,5 кв. м, экипаж — 2 чел.

■

Чемпион мира или олимпийских игр в этом классе имеет право нести на своем парусе не обычную — красную звезду, а золотую. Но если ты знаменитый «финнист» или, скажем, чемпион мира на «Солингах», то в «Звездный» приходишь, как говорят дети, «на новенького». Манкину, когда он решил пересечь на «Звездник», дали яхту, на которой когда-то ходил известный спортсмен Борис Будников. Это довольноно

Когда вся семья в сборе, вместе подшивают парус, вместе ходят в кино, а дочь обсуждает с отцом свои школьные дела

старая лодка (яхта считается новой около года, хотя и живет десятилетиями). Выбирать особенно не приходилось. Поскольку «Звездники» одно время были исключены из олимпийской программы, их осталось в нашей стране очень мало.

Валентину пришлось начинать с того, что он рылся по рундукам бывших «звездаристов» — так называют себя гонщики этого класса в нашей стране. Они предлагали ему выбирать все, что может пригодиться для вооружения «Звездника» № 5450, построенного на верфи «Липпинкот» в США в 1970 году.

Валентин и его новый шкотовый — матрос Балтфлота Александр Музыченко заключили между собой мужское соглашение, которое, хоть и покажется кому-то слишком суровым, продиктовано жизненной необходимостью. Вот некоторые условия: Музыченко не женится до Олимпийских игр, Манкин проводит с ним занятия по тактике, они тренируются вместе, в программу тренировок входит целый комплекс упражнений, в том числе и утренняя зарядка, без каких-либо скидок, необходимое условие — предельная честность в отношениях.

— Попасть в экипаж к Валентину Григорьевичу — все равно что выиграть сто тысяч по трамвайному билету. Это же настоящая академия парусного спорта! Я был шкотовым с другими рулевыми — там всегда был начеку, в любую минуту готов был подстраховать своего «шкипера». У Манкина делаю свое дело, а если наблюдаю за ним, то только для того, чтобы учиться... Я не испугался, когда получил предложение попробовать работать с Валентином Григорьевичем — все-таки кое-какой опыт есть. Но начали вместе ходить и увидел: тут все иначе, чем раньше. И гонки другие — только на выигрыш первого места, и тренировки другие — четкие, интенсивные, беспощадные. Нужно постараться выдержать такую работу, — вот вывод, который успел сделать для себя Александр Музыченко за первые месяцы тренировок с Манкиным.

Свою первую регату в стране весной 1977 года они выиграли уверенно. Правда, соперников у них было только трое. Один экипаж сильный, его возглавлял бывший «звездарист», выступавший некоторое время на катамаранах, Владимир Васильев. Гонки проходили в Сочи при среднем ветре. Водитель катера «Волга-4», сопровождавшего гонку, Отарий Варфаломеевич — знаток и непререкаемый свидетель всех сочинских регат перед выходом в море сказал: «В газете как-то писали, что на хоккей можно ходить, чтобы посмотреть, как в театре, на Харламова или на Михайлова. Сегодня идем смотреть на Манкина».

Однако настоящего соперничества Манкина с Васильевым на этой регате не получилось: Валентин выиграл довольно легко.

После Сочи Манкин со шкотовым Валерием Замотайкиным (Музыченко на этот раз поехать не смог) отправились в Италию, где близ Виареджио проводился чемпионат Европы, собирающий неизменно более полусотни гонщиков не только Старого, но и Нового Света, — в парусе почти все континентальные соревнования являются «открытыми». В первой же гонке порвались почти все тросы и шкоты, на

ходу связывали их в узлы и все-таки финишировали четвертыми. Потом на берегу все эти узлы пришлось развязывать в течение двух часов уже вчетвером. Соперники почесывали в затылках — Манкин оказался действительно гонщиком экстракласса. Он обыгрывал их группами, причем только за счет тактического маневрирования. После четырех гонок Манкин был на первом месте, на «пятках» у него сидел американец Джон Шунмейкер, один из сильнейших гонщиков мира в этом классе. Гонки уже окончились, но Шунмейкер сумел убедить организаторов в необходимости еще одного старта.

Почти три часа Манкин гонял своего главного соперника по дистанции, вытесняя его во второй десятке: важно было, чтобы американец занял в этой гонке место не выше тринадцатого. В этом случае Манкин становился чемпионом Европы независимо от своего места в гонке. Они уже подходили к финишу: Манкин — тринадцатым, Шунмейкер — четырнадцатым, как вдруг двое из опередивших их гонщиков сошли с дистанции. Двенадцатое место вполне устраивало Шунмейкера. Он стал победителем европейского чемпионата. После финиша Шунмейкер подошел к Манкину, посетовал на то, как тяжело ему было бороться с «новичком», сказал, что, надеется, их знакомство перейдет в дружбу, что советский гонщик непременно завоюет золотую звезду на свой парус. — Даже если я и выиграю это право, все равно буду ходить с красной звездочкой, — ответил Манкин. — Конечно, я рад, что в новом классе у меня появились друзья, но легких гонок не будет, теперь до самого последнего олимпийского старта я никому покоя не дам.

Зная характер Манкина, можно поверить, что он от своих слов не отступится.

Сезон 1978 года Манкин начал с победы на открытом весеннем чемпионате Европы. После этого новый успех — выигрыш знаменитой «Кильской недели» в своем классе.

Монолог Манкина о парусе

Человечество должно быть благодарно тому, кто впервые догадался поднять парус на своей лодке, тому, кто первым ступил на дорогу к познанию мира. Ведь, в сущности, вся наша география была открыта на парусниках. Когда европейцы обнаружили другие континенты? Несколько веков назад на парусниках. А основные острова в океане, проливы? Даже в прошлом столетии их открывали в основном на парусниках.

Сейчас все говорят об энергетическом кризисе. Правильно говорят, расход энергии в мире колоссальный. Причем не всегда этот расход оправдан. Есть ли нужда как можно скорее доставить сырье из Латинской Америки в Европу? Иногда да, а иногда нет. А зачем гонять в одну сторону мощное судно порожняком, причем на этот переход тратится почти столько же топлива, сколько на полезный поход? А если построить несколько цельнометаллических крупных парусников и пустить на линию? Они окажутся выгоднее гигантских танкеров или рудовозов.

Повезло рулевому «Кадета» — сам Манкин у него идет матросом

Физкультурный парад положено открывать с чемпионской лентой

На борту «Авроры»

Первый старт в «Звездном» классе — первая победа. Радостно и за себя, и за своего шкотового

Какой шум успокаивает человека больше всего? Вроде бы парадоксальный вопрос, но специалисты-психологи пришли к выводу, что лучше всего для нервной системы не абсолютная тишина, от которой звенит в ушах, а журчание горного ручья. А мне кажется, еще лучше — журчание воды под корпусом яхты и пение ветра в парусах. Любой, кто слышал их, становится на всю жизнь влюбленным в наш спорт.

С каждым годом мы становимся старше, если не сказать старее. А так хочется остаться молодым... Вроде бы мне еще рано говорить об этом. Но вот когда вспоминаю, что было, рассказываю о регатах, беседую иной раз с мальчишками-школьниками, которые приходят, спрашивают, как начать заниматься парусным спортом, самому даже страшновато становится. Ведь я им рассказываю о регате во время Токийской олимпиады, на которой был хоть и запасным, но все-таки участником, о том, как проходили гонки в 1964 году, а моего слушателя, может быть, в то время еще и на свете не было. И вот теперь он ходит со мной под парусом, а завтра будет соперником. Для меня парус — пароль в молодость. Много шишек я уже набил, многое знаю, а все-таки не могу остановиться.

Я отношусь к тем спортсменам, которые мечтают о больших задачах, для кого ближайшая цель — не конечная и достижение ее не имеет слишком большого значения. Вот, скажем, олимпийские мечты. Есть и у меня такие — хочу выступить в Таллине на регате в классе «Звездный». И при этом хочу занять первое место. Мне не дает покоя достижение Пауля Эльвстрёма — он трижды был олимпийским чемпионом, а я два раза первым и один раз вторым.

Конечно, настанет такой день, когда я все-таки попрощаюсь с большим спортом. После этого мне хотелось бы открыть парусную школу в Севастополе. Вернее, не просто школу, а интернат. Представьте, ребята посещают занятия, а кроме того, каждый день они выходят в море под парусами. Вот тогда будет толк. Может, кто-то из них станет классным яхтсменом, кто-то просто продолжит образование в морском вузе, а кто-то пойдет работать на флот матросом. Наверняка из тех, кто закончит такую школу, большинство окажутся преданными парусу на всю жизнь. Аттестата об этом не выдашь, но он в данном случае и не нужен.

Валентин Манкин стал чемпионом Украины в 1957 году. Через два года — чемпионом СССР. В 1968 году он завоевал золотую медаль на XIX Олимпийских играх. В 1972 году стал чемпионом XX Олимпийских игр. На XXI Олимпийских играх в 1976 году завоевал олимпийское «серебро». Прославленный советский спортсмен, неоднократный победитель

международных регат Валентин Манкин награжден двумя орденами «Знак Почета» и орденом Дружбы народов, его имя занесено в книгу Почета ЦК ВЛКСМ.

7А5.5
К88

Серия «Герои олимпийских игр»

ВАЛЕНТИН МАНКИН
(Издание получило диплом Оргкомитета «Олимпиада-80»)

Автор-составитель
Всеволод Владимирович Кукушкин
Заведующий редакцией В. Л. Штейнбах. Редактор В. Я. Шабельникова.
Художественный редактор А. Ю. Литвиненко. Технический редактор
Н. А. Суровцова. Корректор Л. В. Чернова.

ИБ № 511. Сдано в набор 29.03.78. Подписано к печати 06.10.78.
А14612. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага мелов. офс. Гарнитура «Гельветика». Офсетная печать. Усл. п. л. 3,9. Уч.-изд. л. 5,61. Тираж 27 000 экз.
Изд. № 5809. Зак. 1737. Цена 1 р. 50 к.

Ордена «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 103006, Москва, К-6, Каляевская ул., 27.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

К $\frac{60902-165}{009(01)-78}$ БЗ 106-14-1977